Январь. МОСКВА—1921 г. Цена 15 руб.

№ 9-й. „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 9-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Редактор **А. А. Карелин.**

Москва, 1-й Дом Советов, комната 219.

Государств. публичная историческая библиотека

335.8 (47) (05) „1921“

СОДЕРЖАНИЕ: От Редакции. Анархическая Коммуна—*В. Хрусталев.* Анархия—*Б. Плетнер.* Работа и труд—*А. А. Солонович.* Пожар—*А. Струве.* Профессиональное движение и анархизм—*Я. Нерсэй.* Мы и большевики—*В. Алмазов.* Ослиная история—*А. Тюханов.* Альбом анархистов: *П. Крапоткин*—*В. Худолей.* Без власти и без Бога—один—из *Достоевского.* На передовом посту—из письма *Т. И. Бороданова.* Смертная казнь—*А. А. Карелина.*

От Редакции.

Считая „Вольную Жизнь“ деловым органом, обслуживающим русское анархическое движение, Редакция обращается к товарищам с просьбой присылать статьи и заметки по следующим отделам журнала: 1) статьи, популяризирующие идеи анархизма; 2) статьи общего характера по вопросам теории и истории анархизма; 3) статьи по текущим вопросам общественного строительства (профессиональное движение, сельско-хозяйственные коммуны, вольные города и пр.); 4) стихи анархического содержания.

В виду ограниченного количества отпускаемой для журнала бумаги и невозможности увеличения его размеров, Редакция, оставляя за собою право сокращения и изменения формы изложения статей без искажения смысла,—просит товарищей кратко излагать свои мысли. Товарищей, которые не соглашаются ни на какие изменения их статей, предпочитая видеть их или напечатанными целиком, или отвергнутыми целиком,—просим оговаривать это при присылке каждой статьи.

Анархическая коммуна.

Коммуна—это, так сказать, большая семья. В то время, как число членов семьи достигает в среднем 4—5 человек, число членов коммуны может достигнуть нескольких десятков, сотен или даже тысяч человек.

Земледельческая коммуна должна быть большой, чтобы разумно поставить свое хозяйство. Она лишена смысла, если землю обрабатывают простой сошкой, как наши деды и отцы. Коммуна нужна тогда, когда землю хотят обрабатывать при помощи самых совершенных машин. О пользе машин нет нужды говорить народу, который в песнях поет: „чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину“.

Все члены коммуны, как члены одной семьи, сообща владеют зем... нтарем и имуществом. Каждый, работая по силам, получает ... потребностям. Работа всегда идет спорнее, когда работают со... елями. При об'единении происходит не сложение, а умноже-

ние сил—говорит наука. Поэтому, в коммуне труд должен быть организован на артельных началах. Все коммунары, работающие по сельскому хозяйству, должны составлять особую артель (производственный союз).

Обязанности членов артели должны распределяться по сговору, без всякого принуждения. В большой артели полезно избрать из сведующих лиц комиссию для руководства. Само собою разумеется, что члены комиссии должны быть не командирами или надсмотрщиками, а такими же работниками, как и все. Каждый коммунар должен твердо помнить завет Маккея:

„Я—анархист. Зачем? Я не желаю,
Ни власти для себя, ни власти над собой!"

Роль уполномоченных сводится к тому, чтобы собравшись в комиссии для согласования мнений, затем передать своим доверителям определенное предложение. По принятии предложения кончаются их полномочия и они работают наравне с остальными членами артели.

Если для руководства работами понадобятся люди со специальными познаниями, то, согласно практике итальянских и румынских артелей, при комиссии организуется особый технический комитет (агрономы, техники и т. д.) с правом совещательного голоса.

Коммуна, как семья, организует потребление своих членов, проводя артельные начала и в области домашнего хозяйства. Чем меньше сил будет отвлекаться для домашнего хозяйства—приготовления пищи, стирки белья, уборки жилищ,—тем больше их останется для производительного труда. Общий стол усиливает семейный дух и товарищескую спайку членов коммуны. Но, конечно, нет никакой надобности делать обязательным посещение общей столовой: кто хочет—может обедать у себя дома один или в тесном кругу друзей. Жилище коммуны должно напоминать не казарму или тюрьму, а скорее великолепную гостинницу, оборудованную по последнему слову техники. Каждый должен иметь одну или несколько комнат со всеми возможными удобствами, которыми бы он мог распоряжаться по своему усмотрению. Пусть каждый коммунар чувствует себя дома, как англичанин, который говорит: „мой дом—моя крепость". Пусть каждый коммунар пользуется самой широкой свободой, но пусть. в то же время, частное домашнее хозяйство заменится общественным, которое будет вести небольшая артель домоводов, применяя машины.

Коммуна, подобно семье, должна озаботиться воспитанием детей. Дети—залог грядущего. В трудовых семьях они обычно остаются беспризорными и растут, как былинка в поле, без всякого содействия со стороны родителей. Воспитание должно закалить здоровье человека, развить его умственные и физические способности, укрепить волю, приучить к труду и самодеятельности, привить общественные навыки.

Сколько людей погибло физически или морально, благодаря неправильному воспитанию или полному отсутствию его! Воспитание—дело серьезное и трудное. Воспитателем может быть только такой же специалист своего дела, как инженер или агроном. Правильную постановку воспитания может дать лишь коммуна, организовав его на общественных началах под руководством опытных специалистов. Целесообразно даже отвести для детей особое помещение, лучшее из имеющихся, чтобы дети и взрослые взаимно не стесняли друг друга.

Организованная таким образом земледельческая коммуна будет действительно представлять из себя большую и дружную семью, обеспечивающую свободу и довольство своим членам. Но есть и существенное отличие от семьи. В семье до сих пор сохраняется власть старших над младшими, которой нет в коммуне. Это потому, что семья проникнута духом далекого прошлого: отец или кто-либо из старших, будучи собственником всего имущества, властвует над остальными. В коммуне же нет собственности. Все принадлежит всем. Где нет экономического неравенства, там нет и власти. В коммуне нет ни эксплоатации человека человеком, ни власти человека над человеком.

В. Хрусталев.

Анархии.

Не надо кровавой слепой олигархии;
Пусть сгинут тираны, цари и князья.
Во имя прекрасной, победной Анархии
Об'ятья стальные смыкайте друзья.
    Вставайте мятежные и непокорные,
    Согнутые игом злобной судьбы .
    Спешите скорее под траурно-черное
    Темное знамя светлой борьбы.
Вставайте на битву с драконом насилия,
О, рыцари духа, о, вестники дня,—
И в тюрьмы, где стонут рабы от бессилия,
Бросайте лучи золотого огня.
    Во имя любви, солидарности, счастия
    Порвите все путы и тягости уз.
    Сбирайтесь друзья под покровом насилия
    В великий, единый и вольный союз.

Б. Плетнер.

Работа и труд.

«Когда во имя революции хотят создать Государство, будь это даже лишь временное государство, творят реакцию и работают для деспотизма, а не для свободы, для учреждения привеллегий против равенства».

Бакунин.

Для человека существенно то, что в нем мы имеет наряду с об'ективной внешней стороной, где происходят процессы, общие у него со всем неорганическим миром, еще сторону суб'ективную, внутреннюю, где находится область его переживаний, сфера действия его чувств воли, ума. И если мы хотим подчеркнуть суб'ективную сторону работы то мы назовем ее трудом.

Труд есть т. обр. внутренняя сторона работы, сторона состоящая из его переживаний и тесно связанная с личностью. Ясно при этом,

что в обычных условиях разделить в человеке работу и труд нельзя именно потому, что это две стороны одного и того же процесса.

Самым характерным явлением, которое бросается в глаза при сравнении механизма и человека, есть, вообще говоря, то, что работа человека, отвечающая труду, оказывается подчиненной целесообразности. Существенным в труде является его целесообразность, благодаря которой, сама работа дает результат, ибо делается координированной. Человек трудится всегда, и только для какой-либо цели он ставит себе задачи и достигает их работая планомерно. Планомерность и координированность работы механизмов является только следствием плана, координации, схемы, идеи, сложенной человеком в созданный им механизм. Механизм работает не целесообразно, но причинно, человек работает не причинно, но целесообразно.

Работа машины определяется причиной, работа человека—целью, которую он сам себе ставит. Даже если я голоден, я работаю не потому, что я голоден, но для того, чтобы быть сытым—я работаю всегда только целесообразно, поскольку я работаю сознательно и потому моя работа есть труд. Машина никогда не работает целесообразно, но всегда и только причинно. Не имеет никакого смысла сказать, что динамомашина работает для освещения улиц—она работает потому, что вращаются ее приводные колеса, но человек поставил ее для того, чтобы пользоваться ее энергией для своих целей.

Теперь для нас ясно, что говорить о целесообразности работы не следует, чтобы не создавать словесных недоразумений и мы условимся для дальнейшего всегда иметь ввиду, что работа определяется всегда и исключительно только причинами, а труд всегда исключительно только целями. При этом понятно, что в жизни все это тесно между собою связано незаметными переходами и изолируется нами для более подробного изучения.

Целесообразность человеческого труда тем самым предполагает его сознательность. Там, где работа совершается бессознательно, там даже и психофизиологичекие ее следствия иные. Так, например, мы не ощущаем усталости при работе мускулов сердца или мускулов дыхательных органов. Человек может оказаться не в состоянии работать в случаях сильного общего истощения, хотя и не будет чувствовать усталости. Наоборот, как и в случаях сильной боли, можно заставить себя работать, несмотря на очень сильную усталость. Т. обр. труд есть существенное психическое явление, заключающееся между прочим в соединении внимания с некоторым общим психическим напряжением.

В труде мы имеем существенно проявление личности, некоторый акт воздействия суб'екта на об'ект, момент творчества, созидания, осуществления, реализации суб'ектом своей воли, своей цели в об'екте. В этом смысле труд всегда создает нечто из ничего, ибо он каждый раз реализует нечто новое и если можно говорить о свободе воли, как о начале причинности, то таковая может осуществиться именно только в труде.

Работа бесцельна по существу—только труд выбирает и, благодаря этому, творит. С более общей точки зрения всякий поступок человека есть уже его труд, его действие. Чистый труд есть чистое искусство.

Отсюда ясно, что подобно тому, как творчество потомства совершается путем обсеменения, когда т., ск., экстракт своей природы человек выделяет для возможности появления детей, так и в психической, суб'ективной жизни экстрактом их равнодействующей оказываются его поступки, его труд, его творчество.

Вся человеческая природа, все достоинство и недостатки личности могут быть констатированы в поступках, в труде этой личности. Поэтому всякий раз, как мы видим человека, занятого работой, цели которой ему чужды—мы можем сказать, что здесь совершается или убийство или самоубийство человека—ибо человек превращается в механизм, в простую вещь, в средство.

И величайшим непониманием, величайшей ложью буржуазной и социалистической политической экономии является утверждение факта продажи труда... Продажа труда есть продажа личности, есть рабство и смерть... Биржи труда, как места продажи труда, совершенно равносильны с общественными случайными пунктами для людей, до которых, может быть и дойдут, многие мастера чужого счастья!

Преступно говорить об эквиваленте труда, потому что эквивалент труда есть эквивалент личности, но личность, у которой может быть эквивалент—уже не личность, но вещь....

Те, кто с помощью власти и насилия думают создать более справедливый общественный строй, сделать людей более счастливыми, не понимают того, что навязывая свои схемы другим, они заставляют людей добиваться чуждых им целей и таким образом превращают труд в работу, делают для всех ненавистной эту работу, а сами потом удивляются человеческой лени, косности, трудовому дезертирству и т. п. Для них, казалось, бы всего лучше, если бы можно было всех милитаризировать, превратить всех в глупые пешки, которые беспрекословно повиновались бы умным делателям чужого счастья—генералам—комиссарам... Конечно, тогда все было бы хорошо, потому что ведь и в самом деле—создать счастие для пешек нетрудно, на то они и пешки!.. Но чего удивляться, что в пешки-то никому обращаться не охота, нечего и удивляться, что на пешечных генералов начинают смотреть как на живодеров, как на пастухов, которым место в табуне, а не в человеческом обществе!...

В эпоху частно-капиталистическую или буржуазную и в эпоху государственно-капиталистическую или социалистическую одинаково совершается преступление, ибо личность делается рабом буржуа или государства. Личность уничтожается до вещи, до механизма, до винта воздушной и грубой машины!...

На таком принципе, на такой основе нормальная, справедливая общественность невозможна, так как люди превращаются в вещи. Цели труда, а стало быть координация, осмысленность работы вырываются из суб'екта и присваиваются буржуа или чиновником, ответственным работником, надсмотрщиком государства. Отныне не свободный человек сам ставит себе свободно свои цели, но внешняя сила навязывает ему причины его поступков и получается рабство вместо кооперации, ненависть и раздор, вместо солидарности. Работа без труда, работа механическая наваливается всей своей неизмеримой, бездушной тяжестью на человека и гасит в нем все человеческое, будя только самые животные

инстинкты, отчаяние и бешенную злобу к работодателям—к буржуа или государству с его чиновниками.

Величайшим лицемерием звучат слова: „владыкой мира будет труд", когда их поют социалисты, приверженцы и рабы государства. Нет, в государстве владыкой мира будет кнут, а не труд, машина, а не человек, вещь, но не личность...

Только и только свободный труд, есть труд, несвободный труд—есть абсурд и невозможность!... И многое, многое искупили бы большевики, если бы они поставили своей задачей действительное освобождение труда, освобождение личного труда, а не стадного и их бесспорно грандиозная революционная работа осветилась бы тогда блеском истинного творчества, но не только разрушения!...

Посмотрите на миллионы работников государства!... Все это жалкие рабы или беспощадные, непримиримые враги государства и капитала—средины здесь нет и быть не может!...

Тысячи чиновников, таких же рабов, как и их подчиненные, тысячи надсмотрщиков, более ужасных, чем надсмотрщики фараонов управляют собранием миллионов машин из трупов убитых личностей... Грандиозная картина гигантского кладбища в базальтовом саркофаге государственности!...

Величайшее преступление государственников сделать проклятием для человека труд творчества, труд, который должен быть благословением и наслаждением любви творящей!

Нет, не с рабством и проклятием подневольного труда идем мы к вам люди, мы—анархисты!... Мы говорим о труде радостном, о труде творчества, о свободном труде говорим мы вам, наши согбенные братья!..

Свободный, могучий труд светлого сознания—вот к чему мы должны идти, чего добиваться, за что бороться!..

Пусть каждый даст обществу по способности и общество даст ему по потребности... Не за труд будет ему давать общество, не торговаться с ним и не торговать им самим, и поделиться с ним тем, что у него есть.

Долой дух торгашества, одинаково проникающий капитализм частный и государственный!... Долой постыдное нищенство перед лицом государства, забравшего все, как раньше забирали все буржуа, долой нищенство, заставляющее нас продавать последнее—продавать самих себя за кусок хлеба!

Монополией теперь называется то, что раньше называлось спекуляцией и спекуляцией теперь называется то, что раньше называлось монополией...

Вся эта вакханалия лживых слов не может укрыть преступного содержания безудержного захвата власти, разгула солдат, взявших страну на поток и разграбление, когда живое население обращается в рабов, а их чаяния и надежды—в предмет политической игры!..

И перед нами, анархистами, стоит великая задача—будить сердца биться за свободу, за раскрепощение труда, за то, чтобы каждый человек стал творцом, чтобы не было черни, чтобы не было рабской толпы, бегущей под ударами бича уличного красноречия демагога!..

Пусть же каждый сознает себя как свободную личность, пусть об'явит беспощадную борьбу насилию, рабству и власти, чтобы воцарилось царство настоящего труда, труда свободного и радостного, труда человеческого, а не бездушного и обезличивающего... И пусть эта ре-

волюция произойдет в душах людей, пусть каждый сознает унизительность работы по чужой указке, работы, которая определяется не внутренним, свободным устремлением личности, но внешними обстоятельствами, условиями среды, принуждением человеческим или природным.

Только тогда, когда совершится эта внутренняя революция, тогда только будет прочна и внешняя, а до тех пор никакое внешнее освобождение невозможно, ибо свободу приобретает только тот, кто ее хочет и берет, а не тот, кто ее получает.

В этой проповеди свободного, радостного труда, в творчестве на деле этого труда заключается насущная и важнейшая задача анархистов... Нужно идти на фабрики и заводы, в деревни и советские учреждения, стараясь осмыслить труд, указать людям исход из подневольного труда, будить стремления к труду, удовлетворяющему человека, а не только желудок, к труду, которого жаждет сам способный трудиться...

Нужно идти в школы, чтобы там воспитывать смелые, сильные души, способные к труду и любящие свободу.—Нужно создать организации, которые помогали бы работающим менять их профессии или достигать в них полного сознания, нужно стремиться к искоренению профессий отрицательных, несовместимых с человеческим достоинством..

Это работа творческая, органическая и организующая...

Наконец, необходимо чисто научное исследование зависимости между собою различных форм труда физического в целях нахождения форм универсальных, подобных навыкам общего образования в области интеллектуальной, которые позволяли бы человеку не стоять в такой зависимости от его профессиональных навыков и специальной техники, исследование принципов Тэйлора в целях использования их для пользы самих трудящихся и т. д.

А в жизни общественной—борьба со всеми формами закрепощения труда, со всеми явлениями крепостничества и рабства...

Государственный капитализм воздвиг нового идола—работу и написал на стенах зданий—„не работающий—да не ест!“ И этим воздвиг новую государственную религию, новый фетишизм вместо товарного, фетишизм механизированного человека. Но если говорят о работе, а не о труде, то это значит, что кто не раб. тот умрет с голода и т. к. государство, поскольку оно государство—не знает труда, то и социализм есть рабовладельчество.

Рецепт социалистов предписывает рабство, как лекарство от социальных зол, теорию Великого Инквизитора, как спасение, потому что государственники абсолютно бессильны решить проблему труда свободного. Если бы труд стал благословением, а не проклятием; то незачем было бы и принуждать к нему, как не принуждают к еде и питью... Смешны и легкомысленны опасения, что тогда все станут бездельниками, ибо в природе самого человека заложен избыток энергии, запас, готовый проявиться, громадный запас потенциальной энергии, которая беспокоит человека, требует своего выявления—и даже младенец нескольких дней от роду уже двигает руками и ногами, кричит и беспокоится не только под влиянием внешних раздражений, но потому что в нем есть энергия, требующая выхода.

Игры детей, на которые уходят массы энергии, сопровождаются большой усталостью, работа людей, отдающихся любимому делу, иногда

заставляет их просиживать напролет ночи и дни, труд художников, поэтов, ученых, философов, агитаторов и т. д. приковывает к себе людей с неопреборимой силой внутреннего и свободного влечения. Но даже если взять работы по существу неприятного характера, то и здесь свободное самоопределение, сознание своего общественного долга и целый ряд общественных инстинктов дадут достаточный импульс к труду, ибо у свободного человека, живущего не в исковерканных условиях существования эти общественные инстинкты и влечения будут более сознательно и действенно проявляться. Тот труд, который человек уже теперь затрагивает из мотивов отцовства, родства, человеколюбия, солидарности, честолюбия, корысти, всех видов эгоизма и т. д. преобразуется, облагородится и послужит более высоким и более широким мотивам. Ведь если бы было можно установить числовую меру действия различных мотивов человеческого поведения, то оказалось бы, что на действие непосредственных, грубо физических побудителей пришлось бы минимальное количество единиц...

Как бы там ни было, но в этом направлении анархистами сделано еще слишком мало, а между тем здесь лежат неисчерпаемые источники положительной творческой работы, освобождающей личность от самых глубоких основ рабства.

Нечего бояться того, что все пожелают сделаться чем-либо одним, просто потому, что сама природа достаточно позаботилась над тем, чтобы люди были не похожи друг на друга. Основное свойство индивидуальностей заключается в том, что они не сравнимы между собою и этого свойства совершенно достаточно, чтобы не беспокоиться за многообразие труда, который будет существовать в свободном обществе.

А между тем, поскольку труд подневольный есть признак рабства, постольку же труд свободный есть проявление и реализация свободы.

Не может быть свободы там, где труд не свободен, и не может быть рабства там, где он освободился, ибо свободный труд не есть товар, как не есть товар сама личность!

Поэтому во имя свободы, во имя торжества светлой и радостной жизни могучей и творческой индивидуальности мы должны освободить труд, превратив его в наслаждение своей вечно реализуемой свободой.

Москва, 5 сентября 1920 г. **А. А. Солонович.**

Пожар.

Где-то там, где-то там, в долине,
Где-то там, где-то там—мой враг,—
Его я должен низринуть,
Его низринуть в прах..
Где-то там, где-то там он дышет,
Но его, но его я найду...
Вздымайся же, грудь, выше,—
Я душу отведу...
....
Бушует, пламя пылая..
Заливай огонь скорей!.
Все залей, от края до края,—

Не водою,—кровью залей..
Видишь? Марево пляшет в прибое..
Слышишь? Зарево пьяно ревет...
Эй! как весело дышется в бое.
Эй! как ветер песни поет!..
Вьется бешенно пена атаки,
Сердце молотом бьет в барабан,
Жадно рдеют румяные маки,
Взор их дерзок и чувственно—прян...
Эй! цветите-ка, маки, огнистей
Барабанщик, отчаянней бей...
И в симфонию треска и свиста
Ты удары короткие лей...
Эй! пожарный. Взбирайся повыше,
Подлиннее кишку развивай .
Там, где пламя сверкает и пышет,
Метрономом нам такт отбивай..
И стучи топором неустанно,
От куска отделяя кусок .
Эй! пожарный—ты гость нам желанный,
Так туши же затлевший порог!
Эй! гаси-ка ревущее пламя,
Жаркой кровью его потуши,
И пожарище грубо руками
Потроши,. . потроши, . потроши!
Эй! пожарный. Упорно и жадно
Лей потоки на зевы огней,
Лей безжалостно, лей беспощадно..
Эй, пожарный!—кишки не жалей!..

. . . .

Где то там, где-то там, в долине,
Где-то там, в долине, мой враг,—
Его, его я низринул,
Его я низринул в прах.

Алекс. Струве.

Профессиональное движение и анархизм.

„Вся будущая политическая организация—говорит **М. Бакунин**.—должна быть ничем иным, как свободною федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей" („Наша программа" 1868 г.). Такова задача, поставленная анархизмом профессиональному движению. Современные профессиональные союзы, будучи исполнительными органами государственной власти, не являются органами управления производством и не отвечают заданиям, поставленным анархизмом.

Коммунисты—государственники говорят, что в дальнейшем, по упразднении государства, останутся одни только профессиональные союзы. Мы, анархисты, в отличие от государственников, думаем, что не тогда общество станет управляться при помощи профсоюзов, когда исчезнет государство (ибо в таком случае оно никогда не захочет исчез-

нуть), а, наоборот, государство исчезнет тогда, когда профсоюзы сами возьмут в свои руки управление производством.

Французские синдикалисты говорят, что когда профсоюзы отнимут у государства его общественно-полезные функции, оно станет, бесполезным, как порожний мешок, и будет уничтожено. Следовательно, практической задачей профсоюзов, с анархической точки зрения, должно быть завоевание принадлежащих государству культурных и экономических функций.

Мы выдвигаем этот вопрос, не как вопрос тактики той или иной партии, а как злободневную практическую задачу, которая должна разрешаться на основании того опыта, который уже накопился у наших товарищей, участвующих в профессиональном движении последних лет.

Мы думаем, что первый практический шаг на пути к этой цели—децентрализация хозяйственных функций отдельных учреждений и концентрация этих функций в соответствующих профсоюзах. Поясним примером. Многие крупные учреждения имеют свою строительную часть, свой транспорт, свой отдел отопления и т. д. В то же время в городе имеется союз транспортных рабочих, союз строительных рабочих и ряд других. Все они, ограничиваясь учетом рабочей силы, не принимают, в сущности говоря, никакого участия в руководстве хозяйственной жизнью страны. Вместо того, чтобы дробить транспорт, строительную часть, хозяйственную часть и проч., по разным учреждениям, нужно их сосредоточить в соответствующих профсоюзах. Пусть учреждения дают задания профсоюзам, а последние самостоятельно выполняют их для них. Тогда управление производством действительно будет находиться в руках профсоюзов.

Правда, такая мера должна будет повлечь за собою преобразование всех учреждений. Одни учреждения будут слиты, другие разделены, третьи, может быть, вовсе упразднены, четвертые—заново созданы. Зато она вдохнет жизнь в замирающее профессиональное движение и откроет перед профсоюзами путь для реальной творческой работы. Соглашения между такими профсоюзами будут лучшим регулятором производства, чем бесконечные главки и центры. Этот „экономический федерализм“, открывая путь практическому творчеству масс, избавит нас от гнетущего бюрократизма.

Я Нерсэй.

Ослиная история.

Увидя, как пастух пасет свою скотину—,
И режет, и стрижет, берет и молоком,
Осел сообразил взять длинную дубину
И об'явил себя ослиным пастухом.
Двух-трех Ослов он уложил на месте,
Карать строптивных впредь готовность из'явил
И так об этом он в особом манифесте
Всему ослиному народу об'явил:
Отныне властью, данной нам от бога,
Мы будем охранять порядок и покой,

Чтобы подданным была неведома тревога
Под нашей властною, державною рукой.
Трепещут пусть враги закона и порядка...
Так об'явил Осел и сам на трон воссел.
Немногие Ослы поморщились украдкой,
Но пикнуть перед ним никто тогда не смел.

Напротив, многие по глупости ослиной
Вдруг стали без причины очень веселы,
Задрав хвосты, перед Ослом с дубиной
Манифестацию устроили Ослы.
Шло много лет... Осел Ослами правил;
Своих на теплые местечки усадил;
Дал новые законы, старые исправил;
Дубиною всегда порядок наводил.
Но, вот, однажды ропот стал рости в народе.
В таком порядке видя много зла,
Ослы заговорили даже о свободе:
—„Долой самодержавие Осла!“

Дубиною Осел немногих искалечил,
Но все же принужден народу уступить...
Собрались все Ослы на митинг свой, на вече,
Какой—нибудь порядок новый утвердить.

Вот держат речь свою Ослы-политиканы,
Коварства, хитрости и подлости полны:
—„Поверьте, граждане, средь нас есть хулиганы,
Для них суровые законы нам нужны.

При том же мы, Ослы, глупы, темны, невежды;
Без власти мы друг друга загрызем,
Без палки на порядок нет у нас надежды.
Мы без правительства, ей богу, пропадем.

Не надо нам царя, теперь мы демократы,—
Болит от царской палки все еще спина.
Так пусть же правят нами наши депутаты:
Нам власть народная ослиная нужна!“ ..

Так многие Ослы еще держали речи;
Был шум и гам, и рев на митинге Ослов.
Лишь поздно вечером закончилось их вече
И был продукт ослиной мудрости таков:

Чтоб оградить себя от всех своих соседей,—
Осел подозревает каждого осла,
Что тот воспитанник волков или медведей,—
Решили власть избрать во избежании зла,
Известно, что Ослы на выбор очень туги,—
Лишь стоит вспомнить Буриданова осла.
Но в этот раз огромные услуги
Дала борьба за власть и выборы спасла.
Ослам не нравилась хозяйская трехвостка,
Лихая спутница ослиного ярма:
На выборах у них четыреххвостка
Была всеобща, равна, тайна и пряма.

Итоги выборов: хоть жулика и вора
Ослы подозревали в каждом в эти дни,
Но долг гражданский, выполнив без спора,
Ведь все-таки Ослов же выбрали они.
Ослиному народу новые напасти:
Ослиные избранники попрежнему царят;
Заботятся они об укреплении власти,
Ударами дубины подданных дарят.
Понятно, что Ослам опять обидно,—
Не могут, знать, Ослы Ослами управлять.
Но удивительно, что как людям не стыдно
Веками сущность власти не понять.

А. Тюханов.

Без власти и без Бога—одни.

(См. „Подросток" Достоевского)

...Я представляю себе, что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков, настало затишье и люди остались одни, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший их, отходил, как величавое, зовущее солнце, но это было уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли,—что они остались совсем одни и разом почувствовали великое сиротство. Осиротевшие люди тотчас стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея безсмертия и приходилось бы заменить ее: и весь великий избыток прежней любви к Тому, который и был Безсмертье, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность и уже особенной, уже не прежней любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг-друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это—все, что у них остается. Они работали бы друг на друга и каждый отдавал бы всем все свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле—ему, как отец и мать. „Пусть завтра последний день мой,—думал бы каждый, смотря на заходящее солнце," но все равно я умру, но останутся все они, а после них дети их—и эта мысль, что они останутся все также любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга, каждый трепетал бы за жизнь и счастье каждого. Они стали бы нежны друг к другу и не стыдились бы того, как теперь и ласкали бы друг друга, как дети. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом и во взглядах их была бы любовь и грусть. . . .

Альбом анархистов.

П. Кропоткин.

Живые существа могут вести борьбу за существование или путем борьбы всех против всех, или путем взаимопомощи существ одного вида против остальной природы. Большинство живых существ, следуя второму пути, ведет борьбу за существование, об'единяясь для взаимопомощи.

Человеческое общество есть сотрудничество, взаимопомощь людей в борьбе с окружающей природой. Историческое развитие общества является следствием распространения принципов взаимопомощи на все больший и больший круг людей. Вся духовная культура, техника и проч. прогрессирует, применяясь к расширению рамок человеческой взаимопомощи.

Возникшие на основе взаимопомощи общественные формы обладают способностью, застывая на определенной ступени, отставать от жизни, переставая отвечать потребностям об'единяемых ими людей. Тогда общество распадается на три группы, вступающие в междусобную борьбу. Консервативная группа, которая удовлетворена существующими общественными отношениями, стремится предохранить общество от всяких изменений. Реакционная группа стремящаяся использовать для себя существующие отношения, пытается подчинить своей власти остальную часть общества в целях эксплоатации ее. Она придает новый, выгодный для нее, смысл старым общественным формам. Революционная группа стремится устаревшие общественные формы заменить новыми формами взаимопомощи, охватывающими больший круг людей и удовлетворяющими большему числу их потребностей.

Результатом борьбы этих трех сил является революция, коренным образом изменяющая общественный строй. Революция идет путем равнодействующей всех борющихся сил и революционная группа достигает тем больших результатов, чем решительнее и энергичнее она действует и чем больше приверженцев насчитывает в своих рядах.

Всякий почин революционного действия всегда исходит от сознательного меньшинства. Инициативное меньшинство действует в интересах народа, опираясь частью па активную поддержку, частью на пассивное сопротивление его. В день победы меньшинство становится большинством, так как народ санкционирует произведенные в его интересах завоевания.

Инициативное меньшинство увлекает за собою массы путем „пропаганды действием". Мужество и активность столь же заразительны, как и паника. Смелый и понятный народу акт сделает больше для развития сознания и революционного настроения, чем тысяча прокламаций. Пропаганда действием имеет целью или устранение препятствий на пути развития взаимопомощи, или применение принципов взаимопомощи в новых формах.

В отжившем свое время буржуазном обществе уже начинают пробиваться ростки грядущего. В области экономики начинают постепенно потребности личности ставить выше ее полезности для общества: растет число предметов общественного пользования (водопровод, мосты,

библиотеки и т. д.). В области политики происходит децентрализация власти и дифференциация управления: на основе добровольного соглашения возникают новые учреждения взаимопомощи, которые отнимают у государства его общественно-полезные функции. Стремление к взаимопомощи перерастает профессиональные и национальные границы, стремясь охватить все человечество. Так в недрах старого государственно-капиталистического общества зарождается новое, анархо-коммунистичесяое.

Анархическая коммуна слагается из троякого рода добровольных организаций, об'единенных федеративными узами: производительных артелей, мелких территориальных ячеек и личных союзов для удовлетворения культурных потребностей. Основной принцип Коммуны: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

В. Худолей.

Мы и большевики.

В действующем большевизме есть две стороны. Одна—эта та, толки о которой насыщают нашу атмосферу тяжелым удушьем обывательских жалоб. Обыватель пищит, недовольный, что Революция, разрушив старый дом, не построила во мгновение ока дом новый.

Мы полагаем, что революционное строительство не имеет ни малейшего сходства с постройкой детьми карточных домиков,—как раз напротив: там разрушение сопровождается детскими слезами, там значит течет вода, здесь—кровь течет, там созидание проходит в детской, отопленной папеньками дровами при свете и сытости, здесь бывают темнота, холод, и голод, если сам не достанешь света, дров, хлеба и не защитишь себя от нападения диких зверей контр-революции.

Революция несет в жизнь такие начала, на которых, по мнению волевых людей дореволюционной эпохи, жизнь построена быть не может. Гражданская война в Революции неизбежна, раз Революция вызвана застоем в жизни, раз новые люди накопили достаточно энергии для борьбы за новые начала. Таких людей всегда бывает немного и они ведут борьбу со всем народом, втянутым в революционное движение, народом, впитавшим в себя с молоком матери, и с каждой строчкой школьного учебника истины—врагов всего нового. В революции все люди переживают душевную ломку, требующую затраты такого количества энергии на внутреннюю работу, что на деятельность внешнюю не остается сил и люди и холодают и голодают.

„Что у кого болит, тот о том и говорит",—только о том и вот теперь едва ли кому приходится слышать об'ективное обсуждение другой стороны действующего большевизма—стороны построительной.

Никто не станет оспаривать существование этой стороны. Попробуем об'ективно ее оценить.

Если оглянуть Русскую Революцию, то все главные признаки ее социального характера сразу будут схвачены глазом: основная мысль построенных учреждений—забота о равном распределении продуктов общего труда стоит на первом плане; чиновники учреждений заняты разрешением вопроса о завоевании хлеба для трудящихся; политиче-

ская борьба партий из-за принципов отсутствует, если борьба ведется, то ведется она из-за методов завоевания хлеба и, стоит только вспомнить французские революции, где революционные парламенты были раздираемы на части враждой партий, думавших о чем угодно, но не о завоевании хлеба для голодного народа, чтобы согласиться с тем, что большевики — партия социальной революции.

Ни в одной политической революции не было призыва правительства, обращенного к техникам: инженерам и агрономам выступить со своим веским словом в политической, руководящей жизнью сфере, не было такого призыва, какой был сделан Тов. Лениным на 8-м С'езде Советов, положившим этим первый камень здания, в котором техники руководство жизнью примут на себя. До сих пор же техники были руководимы политически и тона жизни не давали; старая жизнь, пропитанная разновидными и разноцветными идеалами и принципами, не пускала техников за порог их мастерских, принуждая их там выполнять их задания свыше; старая жизнь отстраняла их от разработки самих заданий. Теперь условия работы техников могут коренным образом измениться — вместе с инженерами и за инженерами руководителем в жизни может сделаться рабочий — производитель и результаты перемены тогда не заставят себя долго ждать.

Все это может быть в будущем, а пока наша жизнь проходит в кошмаре, где, как в кухне ведьмы, клубятся густые облака горя, уныния, скорби и бесконечного насилия. В течении пережитого времени нам, как в калейдоскопе, жизнь безпрестанно показывала два своих лица, меняя их одно на другое, — одно лицо прекрасной девы, другое — отвратительное лицо ведьмы...

Социальная Революция должна умертвить волю собственников и государственников, организующую жизнь в плоскости действия привилегий и преимуществ „высших" натур над „низшими".

В старой жизни в каждом человеке, благодаря недостаточному количеству продуктов и изделия потребления, жил собственник, крепко цеплявшийся за свои преимущества из боязни спуститься по лестнице восхождения к сверхчеловеку. Тем более и тем сильнее проявились в Социальной Революции собственнические тенденции у людей, располневших на общественных хлебах и потому вообразивших себя на вершине лестницы, видя вокруг себя только людей тощих. Тучные, они бросились в бой, грезя своим могуществом, и Революции нужно было употребить все средства, чтобы задушить их волю и не дать развиться собственническим инстинктам в освобожденной массе.

Эта задача выполнена большевиками блестяще, но сильная власть, погасив разгоравшийся собственнический огонь, погасила и всякий другой в душах людей, ей подвластных. Жизнь притом начала строиться постольку, поскольку это допускалось сверху; в жизнь вошли начала старого департаментски-чиновничьего творчества, где люди боятся за ответственности за каждое свое свободное движение в деле и при наличии всех нужных для коммунизма учреждений, мы замерли на месте, как неживые. Теперь наша организация бездыханна — мертва и недвижима, как мертво соединение костей человеческого скелета. Она лишена даже

того продуктивного движения старого государства—машины, в котором производитель выполнял работу того или иного винтика. Наша оргаганизация—скелет будущего, прекрасного живого тела, клеточки которого живут самобытно, управляются автономно, друг от друга зависят, друг другу помогают, руководятся центром—мозгом, насиловать ему себя не позволяют, на насилие отвечают отказом работать, ставя центр в зависимое от себя положение. Мы знаем, что это общество будет прекрасно, мы лелеем в мыслях его прекрасный образ, но когда оторванные от его созерцания, мы взглядываем на соединение голых костей, мы вздрагиваем от отвращения. Тогда, чтобы не задохнуться в чаду жизни современного общества, мы обращаемся к знанию и говорим: скелет нужен, как остов прекрасного тела, а те, кто его сделал, заслуживают должного уважения: они выполнили дело Титанов...

Орудия насилия были пущены для изготовления скелета. Теперь нам нужно получить живое тело и мы думаем, что на наковальне под молотом живые ростки могут только погибнуть. Мы знаем, что живая клеточка развивается по законам природы без вмешательства со стороны, без участия насилия.

В. Алмазов.

На передовом посту.

9-го апреля 1919 г. 24 члена Олонецкой Федерации Анархических групп выехали из Петрозаводска, отправляясь на революционную работу среди крестьян Сибири и Семиречья.

Добравшись до Оренбурга, они должны были несколько изменить свой план. Дутов вел наступление на Оренбург и им пришлось взяться за оружие. Когда Дутов был разбит, они как бывшие железнодорожники, влились в головной технический поезд для работ по восстановлению линии Оренбург—Ташкент. В это время во всем Приуральи свирепствовала эпидемия тифа и им пришлось потерять четырех своих товарищей; похоронив в Оренбурге И. А. Бочкарева и Николая Медведева, а в Бузулуке—Ефимова и Артема Денисова.

Здесь же они встретили полк, который, по инициативе т. Мартынюка, поддержанной Уральскими анархистами, перешел от Колчака на сторону Советской России. Руководители перехода были после этого выбраны в камандиры. Тут же был устроен, совместно с 112 Ленинским полком вечер в честь анархистов.

В январе 1920 г. Олонецкие анархисты, в количестве только 15 человек, добрались до Семиречья, здесь власти их встретили недружелюбно. Не раз арестовывали, но освобождали по выяснении недоразумения. Помещение, все-таки предоставили в 18 верстах от г. Верного. Работа идет очень продуктивно. Идеи анархии встречают живой отклик среди трудового населения Средней Азии. Ощущается недостаток в анархической литературе.

(Из письма т. И. **Бараданова**).

Смертная казнь.

> „Нет той эпохи, того исторического момента, хотя бы совершенно исключительных условий общественной жизни и положения данного государства, которые могли бы с какой либо стороны, в каких либо видах, оправдать лишение жизни человека, назначаемое военными и гражданскими судами. Насильственное лишение жизни человека во имя закона и справедливости содержит в себе жестокое, отчаянное, ни чем не разрешимое противоречие". (Проф. Н. В. Давыдов).

В первые дни революции профессор Гернет писал:—„Беспримерный в истории человечества политический переворот, с'умевший в три дня низвергнуть старый строй и в три же дня заложить фундамент нового, поднял нас на неизмеримую нравственную высоту. Растворяя двери казематов, где были заживо похоронены наши борцы, встречая их сгноенных в далекой ссылке, видя их тела, еще трепещущие на виселицах, народ-победитель отменил смертную казнь. И отменил безо всяких ограничений и навсегда".

Но проклятое наследие прошлого дало себя знать. В областях России, которые удавалось захватывать контр-революционерам, смертная казнь применялась в невероятных размерах. Там практиковалось кошмарное, кровожадное убийство политических противников. Там работала человеческая бойня, отправившая на тот свет десятки тысяч ни в чем предосудительном не повинных людей.

Но и в социалистической республики шире, чем где-либо в других странах, применяется смертная казнь. Мы знаем, что революционные трибуналы щедро сыпят смертными приговорами. Мы знаем, что чрезвычайные комиссии без суда, без предварительного и судебного следствия, руководствуясь данными полицейского дознания, расстреливают людей. Эти не в судебные убийства стали бытовым явлением

Но, ведь, Россия—не деспотия, не страна зулусов и диким диссонансом звучали в ней сумасшедшие выкрики о необходимости перестать „миндальничать", о необходимости растреливать врагов советской республики, обыкновенных уголовных преступников и даже заложников, то-есть, ни в чем неповинных людей, убиваемых за то, что другие люди совершили то или иное преступление. Непонятным варварством веяло от призыва применять утонченнейшие пытки для того, чтобы раскрывать нити заговоров. Лица с нравственностью средневековых господ-инквизиторов сливают свои голоса с голосами революционеров и вместе с ними требуют смертных казней.

Контр-революционеров не удастся переубедить словами. Если им удастся где-либо восторжествовать, они снова начнут свои оргии человеческих убийств. Но, быть может, революционеры, применяющие смертную казнь, потому что в минуту серьезной опасности она показалась им серьезным оружием, согласятся с тем, что они взялись за оружие негодное и предательское и откажутся от него.

Применение смертной казни,—как это всегда и неизбежно бывает,—развращает население. В 1918 году часть рабочих некоторых петроградских заводов (к счастью, ничтожнейшее число петроградского пролетариата) обсуждала давно уже решенный вопрос о возможности бороться с воровством путем применения к ворам смертной казни и решала его по примеру старой буржуазно-аристократической Англии. Мы видели, как толпа мелких буржуа, в которой находилось несколько солдат, казнила смертью (топила) вора-карманника...

Так как смертная казнь позорит нашу страну и развращает население, так как эта кровавая глупость поссорила нас с целым светом и играет на руку контр-революционерам, то нам приходится протестовать против внесудебной и судебной смертной казни—человекоубийства.

Страшно вредным для подданных и для правителей является тот самообман, который учит, что данный правительственный режим или данный общественный порядок может быть поддержан смертными казнями,—этим разлагающим общественный организм ядом.

Смертная казнь должна исчезнуть с лица земли, под какими бы предлогами ни пытались применять ее. Зная, сколько казнено невинных (хотя бы за последние три тысячи лет), смертную казнь, если и можно назвать позорным наказанием, то только потому, что она позорит страну, в которой применяется.

Отрицая за государством право применять смертную казнь за разные преступления, некоторые криминалисты говорят все-таки, что государство может применять смертную казнь по отношению к убийцам. Другими словами: запрещая убивать людей, государство само убивает их то есть, считает человекоубийство не только позволенным, но и желательным. Другими словами:—„ты убиваешь, поступаешь отвратительно, лишая человека жизни, которую не можешь возвратить ему, но мы, делая тоже самое, что и ты, поступаем хорошо“. Ведь, это—логика сумашедшего дома!

Один идиот может убить гениального человека, но мудрецы всего мира не могут вернуть жизни убитому человеку, хотя бы он был убит ни за что, ни про что. „Убить человека можно,—писали русские крестьяне—а воскресить его, не воскресишь никогда, никакими сказочными водами“.

Да к тому же, человек не имеет права об‘явить другого человека недостойным жизни на том основании, что этот последний совершил преступление и дело нисколько не меняется от того, что первого человека назовут судьей, а второго—преступником.

Даже убийство из-за угла менее позорно и отвратительно, чем узаконенное убийство—смертная казнь. Смертная казнь преступнее убийства, так как в этом случае убивают человека, находящегося в полной власти убийц, следовательно, человека, не могущего вредить последним. Убивать же безвредное, да к тому же человеческое существо, не только нечестно, но и глупо. Смертная казнь—безсмысленна, а простое убийство хоть какой-нибудь, хоть подлый смысл, а имеет.

Раз существует смертная казнь, то и в обычное время, как это было в Англии, и в революционное время, как это наблюдается в России, людей казнят за пустяки. Правители и судьи как бы пьянеют

от захваченной ими власти и от безопасности властного произвола. У них появляется странная жажда крови, стремление каннибала к человеческому мясу. Для них всякий проступок является страшным преступлением и вот они-то режут людей, то душат, перетягивая веревками горло, то пробивают кусками свинца головы и груды людей. Убивают преступников, и просто несчастных людей, и людей, стоящих на несравненно высшей ступени умственного и нравственного развития, чем невежественные заблудившиеся люди, осуждающие на смерть других людей.

Под видом смертной казни производятся в смутное время убийства политических противников и личных недругов.

Имеется один неотразимый для нормально мыслящих людей довод против смертной казни и, если-бы даже не было других доводов, то его одного было бы достаточно для отмены этого дикого и безумного наказания. Дело в том, что людям свойственно ошибаться. Нередко казнят невинно осужденных (как казнили в Петрограде Андреева, около Москвы Гаврилова и т. д. и тогда все судьи—от самых важных до самых низших—судьи, прямо осудившие и имевшие возможность смягчить приговор, делают невероятную, непоправимую, безсмысленнейшую жестокость.

По теории вероятностей, ошибки при обсуждении на смертную казнь неизбежны. Это доказывается с математической точностью, если можно так выразиться в данном случае. Но эта вероятность становится чуть-ли неизбежностью, когда смертная казнь применяется по приказу военных и чрезвычайных судов и комиссий, применяется при наличности суда тайного, без вызова на суд обвиняемого, без защиты подсудимого, без права обжалования приговора в апелляционном и кассационном порядке, то-есть, при наличности суда, неожиданное появление, которого отбросило русских к эпохе варварского деспотизма.

Преступления судей, называемые судебными ошибками, не редки. Сколько честнейших людей, казнено по ошибке, без какой бы то ни было вины не только против людей, но и против закона. Чиновниками осуждены и по их приказу убиты палачами Христос. Сократ, Гус, Бруно, многие апостолы, целая плеяда учеников Христа, отказавшихся молиться идолам. В средние века казнили в одних местах верующих иначе, чем учили католические священники, а в других казнили как раз тех, кто верил, как верят католики. Сколько людей было осуждено за близкое знакомство с чертями, хотя чертей (в образе человеческом) им пришлось впервые увидеть, попав на суд попов и монахов. Сколько ни в чем неповинных людей погибло, например, у нас в царствование Ивана IV-го, которого льстивые историки назвали грозным и который был опасным из'еденным сифилисом сумасшедшим. Сколько людей было убито палачами Николая II-го в эпоху его скороспелых казней, совершавшихся военными судами. Сколько невинных погибло в России за последнее время! Как часто, зря, казнили невиновных, на которых, как на совершивших преступление указывали свидетели во время нелепо организованного „опознания отыскиваемых преступников“.

Судебные ошибки нередки даже при правильно организованном суде. Классическим примером является в данном случае следующее

событие. В одном из городов Италии ночной обход услышал крики о помощи и бросился на зов. Дозорные увидели лежащего на замле человека, над которым склонился другой человек, держащийся за рукоятку кинжала, пронзившего грудь первого. Предполагаемый убийца—булочник по профессии—был схвачен, его руки были в крови, в кармане лежал кошелек с порядочной суммой денег. На квартире арестованного был сделан обыск и найдены ножны к тому кинжалу, которым был заколот убитый. Другого подходящего к ножнам кинжала найдено не было. Булочник об'яснил, что он подбежал к убиваемому, а убийца бежал от последнего. Он рассказал, что перепачкался в крови, желая вынуть из груди кинжал, что кошелек—его собственный, что деньги тоже принадлежат ему, что ножны, найденные в его квартире—это ножны давно сломанного и выброшенного кинжала.

Доказать справедливость своих слов он не мог и был казнен. Через некоторое время осужденный по другому делу преступник сознался в убийстве, за которое был казнен булочник и у этого настоящего уже убийцы были найдены ножны от кинжала, которым был убит прохожий.

Вся „очевидность“ была против бедного булочника и он был казнен за чужую вину. И раз существует смертная казнь, каждого из нас может постигнуть участь бедного булочника.

Сколько случаев мы знаем, когда смертная казнь назначалась благодаря показаниям впоследствии уличенных лжесвидетелей. Бывали случаи, когда смертная казнь назначалась за преступления, которые не были совершены. В России были случаи, когда смертная казнь назначалась душевно больными людьми, простыми нравственными идиотами. Официально указывалось, что человек был казнен за то, что был сыном жандармского офицера...

Когда в древней Греции раба казнили за то, что он гордо держал голову, в этом приговоре было больше смысла, чем в приговоре чрезвычайного суда, убившего сына за профессию отца. И этим же воистину чрезвычайным судом была убита девушка за кражу продовольственных карточек. И это в 20-м веке!

А сколько за разное время было убито судьями политических преступников, убито без каких бы-то ни было законных оснований по приказу холопствующих судей—тупых и темных людей...

Не говоря о Китае и России, где казнят смертью за многие, в том числе и уголовные преступления, где казнят людей, заведомо для судей, не совершивших преступления или казнят совершивших деяния, по юридической безграмотности судей считаемые преступлениями,—смертная казнь назначается в цивилизованных странах только за убийства. Назначая такое тяжелое наказание, не мешало бы знать, к чему сводятся причины такого ужасного преступления, как лишение жизни человека человеком. Прежде всего, убийцами бывают душевно больные люди: их, (как и многих судей человекоубийц), надо лечить, а не убивать. Близки к сумасшедшим вырождающиеся люди, некоторые эпилептики, легко поддающиеся эффекту суб'екты и т. д...

Применение ко всем этим людям смертной казни несправедливо даже с точки зрения мало-мальски разумных приверженцев этого судебного убийства—законного злодеяния. Дело в том, что в этом случае

и для этих господ преступление является не результатом „злой воли“, а результатом независимых от преступника причин. Надо еще заметить, что существуют такие формы душевных болезней, такие виды вырождения, которые подмечаются только выдающимися специалистами и, неудивительно, что казнь душевно-больных вовсе не редкость в наше время.

131 год тому назад в национальном французском собрании указывалось на то, что „убийца—по истине больное существо“ и эта истина едва-ли нуждается в новых доказательствах.

Громадное большинство убийц, это - люди, не получившие почти никакого воспитания или получившие такое развращающее воспитание, которое толкнуло их на путь преступлений. Большинство убийц не получило никакого образования. Они выросли в грубой по нравам среде, жили в кромешной нравственной и материальной нищете, с раннего детства были развращены окружающим их обществом.

Нет, конечно, надобности доказывать ту общепризнанную истину, что причины преступности лежат в социальных условиях. Коренным улучшением этих условий необходимо заняться и такая борьба с преступностью делает излишней борьбу с нею на манер тиранических и буржуазных правительств.

Прежде, чем казнить преступников, не мешало бы подумать, что как раз карающее их общество—государство виновато в том, что они сделались убийцами, разбойниками или грабителями. Это общежитие, имея возможность сделать их хорошими людьми, создало для них такую обстановку, которая неизбежно натолкнуло на преступления этих людей, не имевших возможности развить свои умственные и физические способности. Разве справедливо, что государство, исковеркав жизнь преступников, лишает их жизни?

Глубоко скрытые причины убийств с целью грабежа, разбоя и пр. лежат в бедности, в крайне неравномерном распределении богатства и, конечно, все в той же недостаточности воспитания и образования, все в тех же невероятно тяжелых условиях жизни.

Если, как это часто бывает, какой-либо рабочий живет бедно, если он при этом пил водку, если его жена, обозленная бедностью и тяжкой трудовой жизнью, утомленная постоянными болезнями, мало обращает внимание на своих детей, заботясь о том, чтобы они были сыты, если отец и мать колотят ребят, то родившийся в такой семье ребенок растет, не понимая, где добро и в чем зло. Играя на улице, он встречается с такими же заброшенными ребятишками и ничему полезному не может от них научиться.

В раннем возврасте его отдавали в „учение“ какому либо ремесленнику, где мальчика кормили не столько пищей, сколько колотушками, нестолько учили, сколько мучили, заставляя исполнять работу прислуги и едва-едва обучая ремеслу. Он не видит светлых дней и легко подчиняется дурному влиянию. Идет год за годом и мальчик озлобляется. Но вот он подрос и бывает, что как рас в это время наступает безработица, мастерская закрывается и юноша выбрасывался на улицу. Голодный, оборванный он на каждом шагу видел роскошь магазинов, прекрасно одетых людей, видел горы с‘естных припасов. Он легко терял голову. В течение своей короткой жизни этот юноша не слышал ни одного доброго, разумного слова. Он крадет что попало

под руку и попадает в тюрьму. Там—в этом университете преступников—он обучался воровству настоящими специалистами. Там рецедивисты гордятся удачными преступлениями.

Кончается срок заключения, юноша выходит из тюрьмы, ищет работы, но ему, уличенному вору—всюду отказывают. Он снова голодает и сбитый с толка бросается к своим тюремным знакомым и доходит под их руководством до крупного преступления. И если такого человека казнят смертью, то делается глубоко несправедливый поступок, потому что казнят жертву той социальной среды, которую не могли и не хотели изменить правители.

И страшно обидно, что в Российской социалистической республике, во главе которой стоят исключительно коммунисты, жесточе, чем в буржуазнейших государствах, а именно смертными казнями карают нападения на частную и государственную собственность, подчеркивая тем самым страстное желание защищать этот институт хотя бы и ценою человеческих жизней.

Везде, где поднимается благосостояние население, везде уменьшается и количество преступлений. На это улучшение быта и надо обратить все внимание, а вовсе не на убийство преступников. Так как причины уголовной и политической преступности лежат в социальных факторах, то и нельзя и мечтать об уничтожении преступности жестокостью. Такие мечты—кровавый бред дворян и буржуазии; такой метод, это—метод деспотов. Свирепые злодеяния,—смертные казни,—делая нравы более грубыми, только увеличивают преступность и средневековым невежеством веет от кошмарной болтовни о необходимости казнить бандитов без суда и следствия, мало-мальски гарантирующего правильность обвинения.

Во всяком случае верным остается то положение, по которому нормальному человеку нашего времени противно пролитие человеческой крови, но сколько ненормальных людей среди детей сифилитиков, алкоголиков, нервно-больных людей!

Смертная казнь возмущает своей дикой свирепостью, своей безполезнейшей жестокостью нравственное чувство человека. Биология и социология учат нас, что человек, (как и громадное большинство существ), проникнут по своей природе чувствами солидарности, чувствами симпатии к себе подобным. Ясно чувствуется неиспорченным человеком не только жестокость, безумие и гадость этого убийства, но его дикая противоестественность.

Такое убийство противоречит ясному требованию нравственности, несколько тысяч лет тому назад изложенному в заповеди „не убей“. Все попытки дать этой заповеди такое толкование, что она разрешает убийство—смертную казнь—ничто иное, как насмешка над логикой, наглый, чисто дьявольский софизм. Недаром антитеза правды и добра—„дьявол“—почетнейшим и первым титулом своим имеет слово „человекоубийца“. Удивительно, что христиане высказываются за смертную казнь. Что общего между задушением и зарезанием человека и заповедью о любви к ближнему? Можно ли, убивая беззащитного и безпомощного, говорить, что мы поступаем с ним так, как хотим, чтобы с нами поступали? При чем тут правило“ не судите да не судимы будете“?

По учению Христа только безгрешный мог бы осудить на смерть, а ведь безгрешных людей не существует. У древних евреев преступ-

ников казнили избиением камнями, как у нас казнят задушением и расстрелом, а во—Франции зарезанием. И вот, когда привели к Христу женщину, которую закон Моисея приказывал казнить смертью, он сказал:—„кто из вас без греха, первый брось в нее камень“. И, конечно, никто не бросил и сам Христос—безгрешный Христос—не осудил ее. Таким образом ни грешный, ни безгрешный христианин не может высказываться за смертную казнь.

У нас встречались православные священники—строго говоря не христиане,—а лица, забывшие учение Христа. Они говорят за смертную казнь. Око за око, зуб за зуб, кровь, за кровь, душа за душу—старый, не христианский закон. Как некогда Иудой был предан Христос, так предают его и эти священники. Бывали между ними и такие, которые говорили, что Христос безразлично относился к тому, что делается в этом мире и что,, поэтому, можно не считаться с его словами о смертной казни, все это, конечно, не правда—.Христос, учивший, что надо помогать голодным, больным, странникам, заключенным в тюрьме, помогать, как ему самому, не был равнодушен к делам мира сего и для жизни людей дал свои наставления.

„Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что оставили милость“.

Бл. Августин и Тертуллиан резко осуждали смертную казнь. В царствование Феодосия Великого христианские монахи освобождали осужденных на смертную казнь, нападая на конвой и палачей и силой отбивая несчастных.

Но перестанем говорить о христианах. Всякий проникнутый чувством простой порядочности человек, если даст себе труд подумать, назовет смертную казнь преступлением!

И как дурачат людей, посылая на смерть одного из их несчастных братьев!

Никогда инквизиция,—этот поповский и монашеский суд, именовавший себя святым, но бывший чисто дьявольским учреждением,—измучив ужасными пытками тех, кого он называл еретиками, сжигая их на кострах. Но для того, чтобы народ, увидев измученные лица несчастных, полные страдания и скорби глаза, не ринулся бы на палачей и не освободил бы несчастных, —„святые“ отцы надевали им на лица зловещие, уродливые, зло-усмехающиеся маски. И омраченный народ, народ одураченный не умел разглядеть под подлой маской **„человека“**, издевался над мучениками, часть которых могла бы занять почетное место в рядах христианских святых.

Так и теперь, закрывая глаза бумагой, на которой написано „признав виновным“, „именем республики“, или „по указу короля“ или „по приказу чрезвычайной комиссии“ и пр. скрывают от толпы человека, влекомого на убой, прячут его великое страдание и мороча, таким образом людей, гарантируют себя от того, что народ ринется на палачей и прекратит злое палачество. Но всегда чувством негодования, хотя и не вполне осознанного иной раз, бьется народное сердце при виде смертной казни, при слухе о ней. Я не говорю о черной сотне, парадирующей и в монархиях и в республиках, не говорю о кучках холопствующих и озлобленных людей. Это не народ. Чернь, фарисеи, книжники, кричат—„распни“!, даже тогда, когда народ кричит:—**„Осанна“**!

Правители, плохо верящие в устойчивость своей власти, прислушиваются к крикам черни, так как хотят быть грозными. И смертная казнь, это кровавое жертвоприношение безобразному идолу—государству, а идол грозен только тогда, когда намазан кровью. И правители всех государств пачкались в крови и только в немногих государствах им пришлось отказаться от законного убийства. Даже в наше время, даже в давно уже республиканской Франции, против ясно выраженной воли парижского народа, правительство этой стороны позорило свою республику этими гнусными убийствами. Долгое время ищейки правителей искали в Париже место, где бы можно было поставить „зеленое чудовище"—гильотину. Парижане энергично и настойчиво протестовали против осквернения той или другой площади или улицы Парижа и правители нашли для гильотины место против тюрьмы на пустынном бульваре Араго. Латинский квартал готов был на мятежь лишь бы не допустить к себе гильотины.

Людей сплошь и рядом казнили смертью ни за что, ни про что. Во Франции казнили смертью за напечатание книги без разрешения. В 1368 году там вышел закон, карающий смертью крестьян, „ставивших тенета на голубей". В Германии казнили за третью кражу, в Англии за охоту в „чужом" лесу, за мелкую кражу. При Елизавете английской казнили безработных, при Генрихе VIII уличенный третий раз в бродяжничестве осуждался на смерть через задушение, хотя бы его прежнее местожительство было известно, хотя бы он не совершил ни одного преступления. В старой России смертная казнь полагалась за такие даже поступки, как употребление в пищу телятины, как курение табака, как медленная почтовая гоньба. В наше время в России казнят буквально ни за что:—за чужую вину казнят заложников, взятых из толпы мирных обывателей. На украине не требовалось, кажется и того, чтобы эти лица принадлежали к классу буржуазии, хотя и эта принадлежность ни в каком случае не оправдывает убийства неповинного человека, которого случайность рождения поставила в ряды буржуазии.

Р. В. Ц. Москва, 31-я Тип. М. С. Н. Х. Никольская, 1—3.